

личные по тенденциям) тексты некоторых рассказов (например о походе крымского хана Менгли-Гирея на Киев) дают основание утверждать, что ряд вопросов идеологии Русского централизованного государства был уже поднят в летописании конца XV века. Борьба за образование этого государства велась, как известно, в значительной степени под религиозными лозунгами — под лозунгами борьбы за православную веру против всевозможных „нехристей“. Такова была идеология литературных памятников, связанных с Куликовской битвой 1380 года; такова была идеология „Послания на Угру“ Вассиана. Но сослужив важную службу в борьбе за образование Русского государства, эта идеология к концу XV века стала представлять некоторые неудобства. Северо-Восточная Русь была объединена, но Западной Руси еще долго предстояло оставаться вне Русского государства. Начиналась длинная цепь войн против Польско-Литовского государства, войн, которые неизбежно приходилось вести на западнорусских, православных землях. Столь же неизбежны были и военные союзы против Литвы с „нехристями“, в первую очередь с Крымским ханом. Враги централизованного государства очень хорошо понимали трудность положения, в которое попадал, таким образом, „православный великий осподарь“: близкий к митрополиту летописец недаром с явным издевательством рассказывал о том, как „нехристь“ Менгли-Гирей, святотатственно разграбив Печерский монастырь и святую Софию, поделился своими боевыми трофеями с великим князем. Официальный летописец должен был найти достаточно веский ответ на это и подобные ему замечания. И он нашел такой ответ. Он и не думал отрицать, что поход Менгли-Гирея был предпринят „по слову великого князя“. Да, но поход этот был не „злойбой“, не „пакостью“, а справедливым возмездием „за неисправление королевское, что приводил царя Ахмата Болшия Орды... а хотя разорити православное христианство“.

Ягеллоны — худшие, более коварные враги христианства, чем прямые нехристи. Этой концепции, выдвинутой официальным летописанием конца XV века, предстояло в последующий период большое будущее. „Горее бесермен на противку богови востали есте“, — писал Грозный (от имени одного из своих бояр) литовскому воеводе Хоткевичу.¹ В послании к Курбскому он так оправдывал свои войны на западе: „Аще ли наш глаголеши воюющих на кристьян, еже на германы и литаоны — и несть сие. Аще бы и кристьяне были в тех странах, и мы их воюем по прародителей своих обычаю, яко же и прежде сего многажды случалося; ныне же вемы, в тех странах несть кристьян“.²

Если московский великокняжеский летописный свод конца XV века предвосхищал, таким образом, темы официальной публицистики XVI века, то настроения оппозиционных летописцев во многих отношениях могут быть сопоставлены с настроениями их собратьев — публицистов реакционно-боярского лагеря. Характерной чертой боярской публицистики был ее своеобразный оборонительный характер: не решаясь призывать к восстановлению феодальной раздробленности, не имея собственной положительной программы, которую можно было бы противопоставить программе укрепления централизованного государства, боярские реакционеры становились в позу защитников обиженных подданных от несправедливого гнева государя. К „кротости“ по отношению к „подручникам“, „вельможам и прочим слугам“ призывал молодого Ивана IV

¹ Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951, стр. 269.

² Там же, стр. 11.